

Глава 10. Тень в свадебном паланкине

Главная улица Города Блуждающих Теней погрузилась в тишину. Гости разошлись, и из ниоткуда поползли клубы багряного тумана, затапливая переулки. Гул таверн по обе стороны дороги внезапно отдалился, затихая, словно звуки за пределами театральных подмостков.

— Старший брат, здесь так темно... Ой! Почему паланкин остановился? — раздался тонкий детский голосок. — Слышишь? Эти свадебные прислужники снаружи смеются... И пахнет вином. Они ведь меня не найдут?

— Крепче прижимай к себе оберег и не вздумай смотреть наружу, — раздался в ответ спокойный и ясный мужской голос. — Кто-то совершает обряд.

Маленький Дай Мао, едва сдерживая слезы, вцепился в бумажного петуха и забился в самый угол свадебного паланкина. Ему было всего пять лет. И хотя ради спасения жизни его разум был насильно пробужден с помощью духовного женьшеня и соответствовал теперь подростку лет шестнадцати, жуткое хихиканье за стенами паланкина заставляло его сердце замирать от ужаса.

С этим «старшим братом» он столкнулся лишь сегодня, едва войдя в город, и толком не успел его узнать. Но незнакомец всю дорогу наставлял его через передачу голоса, объясняя, как исполнять обряды. Голос его звучал неторопливо и даже с легкой усмешкой, что вскоре заставило Дай Мао почувствовать странное доверие... граничащее с раздражением.

— Слушай внимательно, Дай Мао, иначе тебя съедят, — продолжал наставник. — Пятый раздел Свитка свадебных обычаев гласит, что все ритуалы связаны с этим свадебным шествием. И каждый из них смертельно опасен. Первый обряд — окропление паланкина вином. Невеста Ванцзин пребывает в беспамятстве, и, чтобы заманить её внутрь, снаружи разливают вино для призыва душ. Тот самый запах, что ты учуял.

Дай Мао побледнел так, что, казалось, вот-вот лишится чувств.

— Брат, не пугай меня! Выходит, я заперт в одном паланкине с призрачной невестой? — всхлипнул он. — Ой, плохо дело... Стены дрожат! Мы снова тронулись. Они говорят, что впереди мост!

— Верно. Первый обряд завершен, — отозвался старший брат. — Теперь паланкин замрет на вершине каменного моста, ожидая второго ритуала: «Освещение паланкина свечой». Гость должен поднять красную свечу из рога носорога и осмотреть паланкин снаружи и изнутри — проверить, явилась ли невеста.

Зубы Дай Мао отбивали чечетку.

— Тогда он меня точно найдет! Если он выдаст меня прислужникам, мне конец. Брат, ну почему я такой невезучий? Только явился — и сразу попал к самому свирепому призраку!

— Твоя удача не так уж плоха, — утешил его наставник. — Если кого и съедят первым, так это того, кто исполняет второй обряд.

Он вздохнул и добавил:

— «Освещение свечой»... В Городе Блуждающих Теней невозможно зажечь огонь. Даже если исхитриться и обмануть судьбу, в тот миг, когда вспыхнет пламя... — Он замолчал, но всякому, кто проходил мимо Стелы запрета огня, не нужно было объяснять, что случится с несчастным в это мгновение. — Ты забрался в паланкин заранее. Чем дольше ты там пробудешь, тем легче тебе удастся третий обряд.

— Значит, тот человек обречен? — прошептал Дай Мао.

— Таков рок. Именно поэтому этот ритуал — второй по опасности.

— Есть что-то еще хуже? Но разве может быть что-то хуже смерти?

— Эх ты, — в голосе брата послышалось разочарование, — зря ты учился на целителя. Очевидно же: то, что страшнее смерти — это жизнь, которой не позавидует и мертвец.

Любопытство на миг пересилило страх Дай Мао.

— Брат, ну скажи, скажи! Кто же этот несчастный, которому выпал жребий стать самым великим неудачником в мире?

Не успел он договорить, как снова вскрикнул:

— Снова движемся! Прислужники кричат... Они говорят...

— Не нужно повторять. Мы перешли мост, теперь я и сам всё вижу.

Хлынул туман. Густая красная мгла, долго кружившая у подножия девятиарочного каменного моста, внезапно прорвала невидимую преграду. В самом её центре клубилась густая чернота, похожая на угольную пыль, брошенную в костер. Подхваченная жаром, она извивалась, принимая причудливые формы, пока не превратилась в ряды фигур, идущих рука об руку.

Свадебный поезд прибыл.

Первыми из тумана выплыли десять пар бумажных знамен, расшитых золотой и серебряной фольгой. Они хлопали на ветру, поблескивая в темноте, словно мириады глаз, расчищающих путь. Прислужники, несшие их, явили свои лица: щеки их горели пьяным румянцем, но уголки губ были резко опущены вниз.

— Второй обряд, освещение свечой... Не исполнен!

— Гость проклят, дурное предзнаменование... Невеста будет в ярости. Мы... можем приступать к трапезе.

В тумане раздался леденящий душу крик.

— Брат! — Дай Мао едва не выпрыгнул из кожи.

— Молчи. С этой секунды вцепись в оберег и не смей передавать голос, — тон молодого мужчины перестал быть мягким. — Кто бы ни пытался тебя выманить или напугать — не выходи, пока невеста не окажется в паланкине.

Десятки мертвенно-бледных рук вцепились в шесты, вырывая паланкин из красного марева. Глаза прислужников лихорадочно блестели, а рты теперь растянулись в подобострастных ухмылках.

— Невеста Ванцзин, дорога под мостом была неровной. Удобно ли вам сидеть?

— Почему же госпожа не отвечает?

— Гость оказался никчемным, не смог зажечь свечу. Неужто госпожи нет внутри?

— Носильщики, а ну-ка, потряните паланкин как следует!

Паланкин заходил ходуном. На каменистой мостовой призраки сменили шаг на ритмичные прыжки. Внезапно шесты выскользнули из рук и взмыли вверх!

В крошечной тьме Дай Мао мертвой хваткой вцепился зубами в своего «женьшеневого младенца», чтобы не закричать. В отличие от грубого внешнего убранства, внутри паланкин был роскошен: алый шелк, расшитый золотыми нитями. Мастерницы не жалели сил: десятки пар мандаринок-неразлучников сплетались шеями в тесном пространстве, и каждая пара пустых глаз, казалось, следила за мальчиком.

— Хи-хи, занавеска-то приподнялась...

— Голову назад! Закидывай голову!

Что это значило?

Хруст!

Шеи всех прислужников одновременно переломились, головы запрокинулись назад, и черные провалы глазниц заполнили щели в занавесках.

— МЫ ТЕБЯ ВИДИМ!

Полог взметнулся. Они лезли внутрь!

«Брат, спаси!» — взмолился про себя Дай Мао. Твари подобрались слишком близко, в нос ударил запах плесени и сырой бумаги. Их глаза сузились, словно в издевательском смехе.

В это мгновение бумажный петушок в руках мальчика ожил. Он прыгнул на полог, вытянул острый, как ножницы, клюв и клюнул ближайшего прислужника. С треском лицо духа разорвалось пополам, и он, легкий как пушинка, отлетел назад.

— Скорее в путь, скорее! Невеста гневается!

Дай Мао застыл, не веря, что простая бумажная поделка спасла ему жизнь. Теперь у него появилась надежда завершить и свой обряд.

Свиток пятый «Записей «Внимая небесной радости»». Обряд «Усмирение паланкина отроком».

Когда невеста всходит в паланкин, внутри должен быть ребенок — символ будущего потомства и благословения. Эти прислужники могли разорвать его в клочья, но за время пути Дай Мао пропитался тонким холодным ароматом, исходившим от стен. Теперь выйти из паланкина будет гораздо проще.

Внезапно внутри разлилось странное алое свечение, окруженное ореолом, словно где-то в пустоте зажгли свечу. В Городе Блуждающих Теней это сияние казалось воплощением мороза. На стенке паланкина проступила тень. Сначала едва заметная, она постепенно обретала четкость — изящные, благородные линии, от которых захватывало дух. Это было похоже на отблеск радуги на границе света и тени...

Одновременно с этим пространство заполнила древняя, неистовая аура ненависти. Она

кружила, нарастая с каждым мгновением, готовая вырваться наружу сокрушительным вихрем.

Невеста Ванцзин!

Дай Мао не посмел оглянуться. Он бросился вперед, прорвал полог и, миновав красный туман, со всех ног помчался прочь.

— Дай Мао, сюда! Поднимайся в таверну!

Даже когда он упал в объятия, пахнувшие травами и лесом, его сердце продолжало бешено колотиться. Старший брат в простом белом халате стоял, прислонившись к перилам. Его движения были неспешными, но ладонь, опустившаяся на макушку мальчика, — уверенной и сильной.

— Всё хорошо, Дай Мао. Обряд исполнен.

Мальчик, всё еще пребывая в оцепенении, обернулся. Мимолетный образ, увиденный в паланкине, обладал пугающей, магнетической силой.

Полог колыхнулся. Дохнуло холодом.

Две шеренги прислужников внезапно рассыпались клочьями бумаги, словно наткнулись на невидимые клинки. Их останки вихрем закружились под дном паланкина. Красные лица духов, похожие на обрывки фольги в медном тазу, кривились в бесконечном подобострастии.

— Госпожа, госпожа, пощадите!

— Срок вышел, близится Прилив злой кармы... Дозвольте нам нести паланкин! Госпожа, мы больше не пророним ни слова!

Невеста Ванцзин была в ярости.

Дай Мао зажмурился и крепко обнял брата, стараясь раствориться в шуме толпы, заполнившей таверну.

Внутри стоял невообразимый гвалт.

— Слышали? У северных ворот поднялся ветер. Лазурный снежный ни уже в паре ли отсюда!

— Наконец-то! Градоначальник Се возвращается!

Дай Мао шепотом спросил:

— Брат, почему они так радуются?

— О, — усмехнулся наставник. — Эти гости, как и ты, уже исполнили свои обряды. Теперь им нужно лишь дождаться конца процессии, и ночь для них закончится благополучно. А для тех, кто не успел, возвращение Се Хуньи — единственный шанс на спасение. Пойдем, малыш Дай Мао, я покажу тебе кое-что поинтереснее.

Он легко подхватил мальчика и усадил его верху на свою аптекарскую корзину. Мерное покачивание немного уняло тревогу в душе ребенка.

Старший брат задрал голову и с улыбкой спросил:

— Чувствуешь? Ветер перемен.

Не успело эхо его слов затихнуть, как над улицей пронесся вихрь. Красный туман закружился вокруг паланкина. В воздухе замелькали бесчисленные алые нити — от нежно-розовых до почти черных. Они сплетались и извивались, словно клубок змей.

— Это и есть Прилив злой кармы. Каждая нить — чья-то несчастная судьба, — наставник с живым интересом наблюдал за происходящим. — Видишь те, что запутаны в узлы? Это любовь, в которую вмешались третьи лишние. Будет много слез и пустых хлопот. А та, тонкая как паутинка? Безответная страсть, что увянет, так и не расцветши. Понимаешь? Это упрямые мысли покинутых и обиженных. Тот, кого коснется такая нить, познает все тяготы любовного испытания. Дай Мао, это редчайшая возможность!

— Возможность для чего?.. Брат, ты что задумал?

Старший брат вытащил из корзины стебель тысячелистника и лукаво подмигнул:

— Гадание на суженую в таком месте — самое верное. Нужно лишь представить лицо той, что мила сердцу...

— Брат, я же еще маленький!

— Эх... Жаль.

Дай Мао проворчал под нос:

— Не зря люди говорят, что ты — бродячий лекарь и пройдоха.

— Что ты сказал?

— Ничего! — Дай Мао вдруг вспомнил кое-что важное. — Ой, беда! Улица забита этими нитями, Градоначальнику Се не проехать!

— В этом-то и вся соль. Сейчас ты увидишь лучшее зрелище в городе: как стрела Се Хуньи умирляет кармический прилив... Ой, а это кто? Почему он всё еще внизу?

Гости давно разбежались по балконам, и на пустой улице осталась лишь одна фигура. Мужчина. За спиной — два клинка. Его профиль казался высеченным из камня, сухим и жилистым, словно закаленное в горне лезвие. Он стоял в расслабленной позе, прислонившись к какому-то предмету, и медленно, почти ласково поглаживал его рукой.

Предмет зашевелился. Это было живое существо.

— Человек-кукла! Надо же, столько времени прошло, а он всё еще жив? — удивился старший брат. — Дай Мао, ты ведь хотел знать, кто здесь «неудачник номер один»?

— Это... это тоже был гость? — Дай Мао похолодел.

— Он нарушил запрет, — тихо произнес брат. — Говорят, это и есть истинный второй обряд: нужно было откинуть фату невесты. Какая ирония.

Он замолчал. Из горла человека-куклы вырвался мучительный стон.

— Брат, неужели ему нельзя помочь? — с состраданием спросил мальчик.

Наставник лишь покачал головой, не убирая руки с головы Дай Мао.

В тот же миг мужчина внизу схватил куклу за голову и одним коротким движением свернул ей шею. Затем, не оборачиваясь, он шагнул прямо в багровый вихрь кармических нитей.

Полог паланкина взметнулся от порыва ветра. Теперь между ними не было преград.

Среди кроваво-красных занавесей неподвижно сидела фигура в свадебном венце и богатом наряде. Руки были спокойно сложены в рукавах. При каждом толчке жемчужные подвески на головном уборе вспыхивали чистым, ослепительным светом.

Совсем как настоящая невеста.

— Всё такая же, — раздался голос Дань Фэна. — Сердце скорпиона, душа ядовитой змеи. Не шевелись.

Под фатой послышался едва уловимый звон бусин. Тень проигнорировала его слова, уставившись в сторону окна. Неужели он ей настолько противен? Даже взгляда не удостоит.

Десять лет. Десять лет он не смыкал глаз, лелея память о бойне у озера Белой Пагоды. Даже во сне он жаждал сойтись с ней и потребовать ответа, а она в это время... выходит замуж!

Холодная усмешка сползла с лица Дань Фэна.

— Я сказал: не шевелись!

Он сжал рукоять Зеркального клинка так, что на руке вздулись вены. Металл отозвался зловещим треском, магический узор на лезвии вспыхнул, но техника перемещения так и не сработала. Против бесплотной тени пространственные чары были бессильны. Чтобы они подействовали, нужно было заставить тень обрести плоть.

Его взгляд упал на свадебный жезл, прислоненный к расшитой табуретке. Скоро кто-то другой возьмет его, чтобы поднять этот красный шелк. Неужели она добровольно примет человеческий облик ради него? Тогда, десять лет назад, она была дикой, пугливой тенью — стоило коснуться, и она исчезала, как испуганная птица. Ему касаться было нельзя. А Се Хуньи — можно?

— Спешешь под венец? — медленно проговорил Дань Фэн. — Что ж, я подожду вместе с тобой твоего любовничка. А когда он придет... прирежу муженька и заберу тебя себе!

Как только эти слова сорвались с его губ, паланкин захлестнула волна неопишуемой жажды убийства. В пустых глазах вышитых мандаринок вспыхнул багровый мертвенный свет.

В ту же секунду Дань Фэн почувствовал острую боль в шее. Кровь брызнула фонтаном!

Перед «Запретной техникой Переделки Тени» любая защита была бумагой. В этом паланкине каждая тень, даже мягкая вышивальная нить, превращалась в смертоносное оружие.

Дань Фэн помнил, как эта тень когда-то прикончила ледяного барса при помощи одной лишь шелковой ленты для волос. Зверь еще был в прыжке, когда лента скользнула по воздуху — тень хищника под его лапами развалилась надвое, и в следующее мгновение две окровавленные половины туши рухнули на лед. А тень лишь небрежно наматывала ленту на свои тонкие пальцы.

Тело Дань Фэна было крепким, но тень под его ногами оставалась такой же уязвимой, как у любого смертного. Впрочем, он и не думал скрываться. Гнев, усталость, горе и тоска, которую он не мог признать даже самому себе, — всё это было сметено этим ударом.

Он прижал руку к ране на шее. Больно? Нет, лишь легкое онемение.

Безумный, яростный порыв заставил его оскалиться в улыбке.

— Такая бурная реакция? Неужели ты так боишься, что я его прикончу? Но чем ты собираешься убить меня, невеста? Этими нитками, слепыми птицами на стенах или своей фатой? Ну давай, попробуй!

Пальцы тени едва заметно шевельнулись.

Вышивка на занавесках паланкина разом устремилась к Дань Фэну. Воздух зазвенел, словно под пальцами невидимого музыканта лопнули сотни струн. В этой тишине рождалась песнь смерти.

Лязг!

Зеркальный клинок покинул ножны. Дань Фэн перехватил его перед глазами, и сталь высекла сноп искр. В кратком миге светового хаоса он одним ударом рассек стенку паланкина. Девяносто девять вышитых мандаринок вылетели наружу, их нитяные тени рассыпались прахом. Сам же он, пригнувшись, словно ястреб, бросился прямо на невесту!

Звон, грохот.

Слишком близко. Ледяные жемчужные нити фаты едва не коснулись его лица. Он помнил тень другой — спокойной, почти нежной. Когда она сидела рядом, чуть склонив голову, а её тонкие пальцы подпирали подбородок. В её облике было что-то среднее между юношей и девой, чистая, леденящая красота.

Он когда-то расчесывал ей волосы. Призрачные пряди, черные и тяжелые, струились между его пальцев, словно шелк. Когда он нажимал чуть сильнее, тень невольно ластилась к его руке — едва заметное, кошачье движение.

Почему она обманула его? Почему предала и растоптала всё, что было? Почему Се Хунъи дозволено касаться её, а он не может даже увидеть лица?

Зная, что впереди — верная смерть, что тень на пределе ярости, он всё равно протянул руку к свадебному жезлу. Он сорвет эту проклятую фату, чего бы это ни стоило!

В это мгновение рукав тени взметнулся, и мощный удар отшвырнул его прочь из паланкина.

Дань Фэн рухнул на колени, с трудом сдерживая инерцию падения. Алые нити кармического прилива, подвластные технике Перековки Тени, превратились в тучу стрел, нацеленных ему в спину.

Дань Фэн даже не подумал обернуться. Он чувствовал, как жажда убийства обжигает позвоночник. Он ясно представлял, как тонкие пальцы тени сейчас сплетаются в беспощадном жесте, как каждая нить готова рассечь его плоть и перерубить горло.

Но он не шелохнулся. Лишь желваки заходили на скулах.

Алые нити ударили в спину. Но они не впились в плоть. Они были лишены остроты — просто ледяной, пронизывающий дождь, бессильно скользнувший по плечам.

Десять лет назад тень так же безмолвно прижималась к его спине. Холодная прядь её волос касалась его шеи...

— Иди, — раздался тихий голос. — В ста шагах отсюда не оборачивайся, и я не убью тебя.

Дань Фэн предпочел бы получить тысячу стрел в сердце, чем этот удар милосердия в самое нутро. Что это было? Она совершила все мыслимые злодеяния, так зачем теперь щадить его спину?

<http://bllate.org/book/16978/1582562>